

Distr.
GENERAL

A/CN.4/490/Add.2
5 May 1998
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Пятидесятая сессия
Женева, 20 апреля-12 июня 1998 года
Нью-Йорк, 27 июля-14 августа 1998 года

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ Г-НОМ ДЖЕЙМСОМ КРОУФОРДОМ

Добавление

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
I. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА "ПРЕСТУПЛЕНИЯ" И "ПРАВОНАРУШЕНИЯ" (продолжение)	61 - 75	2
C. Современное международное право об ответственности государств	61 - 65	2
D. Отношения между международной уголовной ответственностью государств и некоторыми близкими по значению понятиями	66 - 75	8
1. Индивидуальная уголовная ответственность по международному праву	67	8
2. Императивные нормы международного права (jus cogens)	68	9
3. Обязательства erga omnes	69 - 75	10

Г. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА "ПРЕСТУПЛЕНИЯ"
И "ПРАВОНАРУШЕНИЯ" (продолжение)

С. Современное международное право об ответственности государств

61. Традиционная в международном праве трактовка вопроса международных преступлений государств изложена Нюрнбергским трибуналом, который заявил, что:

"Преступления в нарушение международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и поэтому обеспечить выполнение положений международного права можно лишь путем наказания индивидов, которые совершают такие преступления"⁵³.

Идентичная позиция отражена в договорах, признающих или устанавливающих международные преступления. Ни Германия, ни Япония не рассматривались в качестве "преступных государств" в документах, учреждавших послевоенные трибуналы для суда за военные преступления, хотя в Лондонской хартии 1945 года конкретно предусматривалось осуждение "группы или организации" как "преступной"⁵⁴. В статье IX первой из послевоенных уголовно-правовых конвенций, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, конкретно предусматривалась ответственность государств за преступление геноцида, преступление, которое обычно ассоциируется с актами правительства⁵⁵. Тем не менее в то время было ясно дано понять, что статья IX не предусматривает уголовной ответственности государств в какой бы то ни было форме⁵⁶.

62. В то время, когда была предложена и принята статья 19, не было никаких судебных решений, подтверждающих, что государства могли бы нести уголовную ответственность. В комментарии к проекту статьи 19 отмечается отсутствие международных судебных или арбитражных решений, которые служили бы основой для проведения различия между преступлениями и правонарушениями⁵⁷. В нем упоминаются как косвенно поддерживающие такое различие

⁵³ Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal, Nuremberg, vol. 22, p. 466 (1948).

⁵⁴ Charter of the International Military Tribunal, London, 8 August 1945, United Nations Treaty Series, vol. 82, p. 279, articles 9 and 10, at p. 290. Такое заявление могло быть сделано после суда над тем или иным членом организации "в связи с любым актом, за который этот индивид мог быть осужден", и существовали определенные процессуальные гарантии для других членов. В Токийской хартии таких положений не содержалось. См. также Touvier case, International Law Reports, vol. 100 (1992), p. 337, Jury Classeur Periodique, 1993 I, 21977.

⁵⁵ Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, 9 December 1948, United Nations Treaty Series, vol. 78, p. 277.

⁵⁶ Сэр Джеральд Фитцморис как соавтор статьи IX заявил, что "ответственность, предусмотренная совместной поправкой Бельгии и Соединенного Королевства, носит характер международной ответственности государств, вытекающей из нарушения конвенции. Это гражданская, а не уголовная ответственность", Official Records of the Sixth Committee, Summary Records, 21 September-10 December 1948, p. 440.

⁵⁷ Ежегодник ... , 1976 год, том II (часть вторая), комментарий к статье 19, пункт 8.

некоторые дела, касавшиеся репрессалий или контрмер⁵⁸, и особый упор делается на "основное различие", проведенное Международным Судом в деле "Барселона трэшн"⁵⁹. Согласно комментарию, это заявление служит "одним из важных аргументов в поддержку тезиса о проведении различия между двумя различными режимами международной ответственности в зависимости от объекта нарушенного международного обязательства и, тем самым, на этой основе – о выделении двух различных типов международно-противоправных деяний государства"⁶⁰.

63. Принимавшиеся с 1976 года судебные решения безусловно поддерживают идею о том, что в международном праве содержатся нормы различного рода и оно не ограничивается "классической" идеей двусторонних норм. С другой стороны, в этих решениях нет подтверждения наличия отдельной категории международных преступлений государства.

а) По делу "Веласкес Родригес против Гондураса (Компенсация)" Межамериканский суд по правам человека просили назначить компенсацию, выплачиваемую в порядке наказания, по делу об "исчезновении" гражданина, одного из большого числа похищенных лиц, который, возможно, подвергся пыткам и, можно почти с уверенностью сказать, был казнен без суда. Нарушение было вопиющим, однако Суд, тем не менее, отклонил иск о выплате компенсации в порядке наказания. Исходя отчасти из ссылки на "справедливую компенсацию" в пункте 1 статьи 63 Американской конвенции о правах человека, Суд заявил, что:

"хотя некоторые национальные суды, в частности англо-американские, назначают компенсации в порядке наказания на суммы, которые предназначаются для того, чтобы оказывать сдерживающее воздействие или служить в качестве примера, этот принцип не применим в международном праве на данном этапе"⁶¹.

б) По делу "Ре Летельер и Моффит" Международной комиссии Чили-Соединенные Штаты было поручено определить сумму компенсации, подлежащей выплате Соединенным Штатам, за убийство чилийскими агентами в Вашингтоне, округ Колумбия, бывшего чилийского министра Летельера и еще одного человека⁶². Компенсация подлежала выплате *ex gratia*, однако должна была быть исчислена в соответствии с применимыми принципами международного права, как будто

⁵⁸ А именно: Naulitaa case (1928), United Nations Reports of International Arbitral Awards, vol. 2, p. 1025; and the Cysne case, *ibid.*, p. 1052: см. комментарий к статье 19, пункт 9 в сноске 57 выше. Ни одно из этих дел не касалось "преступлений", как они определяются в статье 19.

⁵⁹ Сноска 57 выше, комментарий к статье 19, пункт 10.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ IACHR Series C, No. 7 (1989), p. 52; International Law Reports, vol. 95, p. 315 and 316.

⁶² International Law Reports, vol. 88 (1992), p. 727. Судами США по данному делу была назначена выплата 5 млн. долл. США, включая 2 млн. долл. США в качестве компенсации, назначаемой в порядке наказания, судебным решением в пользу истца вследствие неявки ответчика, которое не было удовлетворено: Letelier v Republic of Chile 502 F Supp. 259 (1980); International Law Reports, vol. 63, p. 378. Комиссия назначила компенсацию в размере приблизительно 2,6 млн. долл. США в качестве полного и окончательного разрешения этого дела.

бы ответственность была установлена. Комиссия подсчитала размер компенсации в соответствии с обычными принципами, учитывая моральный ущерб, но не учитывая компенсацию за ущерб, назначаемую в порядке наказания: никакого иска о компенсации ущерба, выплачиваемого в порядке наказания, даже не приносилось⁶³.

с) По делу, касающемуся применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него ("Босния и Герцеговина против Югославии") (предварительные возражения), Международный Суд подтвердил свою юрисдикцию в вопросе заслушивания иска об ответственности государств за геноцид по статье IX Конвенции о геноциде⁶⁴. Основной иск заявителя касался прямого участия самого государства-ответчика через своих высокопоставленных должностных лиц в актах геноцида, хотя выдвигались и другие основания для иска. В ответ на довод о том, что ответственность государств по статье IX ограничивается ответственностью за непринятие мер по предупреждению геноцида и наказанию за него (в отличие от дел, связанных с прямым присвоением), Суд заявил:

"ссылка в статье IX на ответственность государств за геноцид или за любые другие деяния, перечисленные в статье III, не исключает какой бы то ни было формы ответственности государств. Не исключается ответственность государств и за деяния своих органов в статье IV конвенции, в которой рассматривается совершение акта геноцида "правителями" или "должностными лицами"⁶⁵.

Ссылку Суда на "какую бы то ни было форму ответственности государств" не следует считать ссылкой на уголовную ответственность государств, ее скорее следует считать ссылкой на прямое присвоение ответственности за геноцид государству как таковому⁶⁶. Можно отметить, что ни одна из сторон в этом деле не оспаривала, что ответственность, о которой идет речь, носила бы характер уголовный⁶⁷.

⁶³ В мнении, совпадающем с позицией большинства состава суда, член Комиссии Оррего Видуния высказал мнение о том, что "в международном праве не принята концепция компенсации за ущерб, назначаемой в порядке наказания" и что любое решение о выплате компенсации, которое носит характер наказания по своему воздействию ввиду того, что сумма является "чрезмерной или несоизмеримой", было бы "в равной мере необоснованным и противоречащим международному праву", in International Law Reports, vol. 88, p. 741.

⁶⁴ JCJ Reports 1996, p. 595.

⁶⁵ Ibid., p. 616.

⁶⁶ Ср. совместное заявление судей Ши и Верещетина: *ibid.*, pp. 631-632.

⁶⁷ В своем постановлении от 17 декабря 1997 года о приемлемости встречных исков Югославии по данному делу Суд вновь заявил о характере *erga omnes* запрета геноцида, однако счел, что "довод, основывающийся на отсутствии взаимности в Конвенции, не является определяющим в том, что касается оценки наличия правовой связи между основным иском и встречным иском, поскольку обе стороны своими соответствующими исками преследуют ту же самую правовую цель, а именно установление правовой ответственности за нарушения Конвенции о геноциде (пункт 35). В особом мнении судья Лаутерпакт отметил, что:

(продолжение...)

/...

d) По делу "Обвинитель против Бласкича (Возражения по вопросу о приказе о явке в суд с документами)" апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии должна была рассмотреть вопрос, в частности, касающийся того, мог ли Трибунал потребовать представить фактический материал непосредственно у государств в соответствии со своим Уставом и правилами. Фактический материал, о котором идет речь, касался предположительного совершения государственными агентами, включая обвиняемых, преступлений, подпадающих под юрисдикцию Трибунала. Иными словами, он касался предположительно совершенных преступлений, ответственность за которые может быть присвоена государству. Апелляционная камера сочла, что никаких полномочий предъявлять такие требования государствам не существует. Она, в частности, заявила:

"Международный трибунал не обладает никакими полномочиями принимать принудительные меры в отношении государств. Если бы составители Устава намеревались наделить Международный трибунал таким полномочием, то они прямо предусмотрели бы его. Применительно к международному судебному органу это не такое полномочие, которое может рассматриваться как имманентное в его функциях. По современному международному праву государства могут являться объектом контрмер, принятых лишь другими государствами, или санкций, введенных в отношении них организованным международным сообществом, т.е. Организацией Объединенных Наций или иными межправительственными организациями. Нынешнее международное право ясно указывает на то, что государства по определению не могут быть объектом уголовных санкций наподобие тех, которые предусмотрены в национальных уголовных системах"⁶⁸.

Необходимо отметить оговорку в последнем предложении ("наподобие тех, которые предусмотрены в национальных правовых системах"). Тем не менее Суд счел, что Трибунал не уполномочен адресовать государствам приказы ("subpoenas"), хотя он явно уполномочен в пункте 2 статьи 29 своего Устава издавать приказы, которые государствам необходимо выполнять⁶⁹.

Другие аналогичные случаи, о которых можно было бы упомянуть, включают в себя различные стадии дела "Рейнбау вориор"⁷⁰.

⁶⁷ (... продолжение)

"чем ближе подходишь к проблемам, вызванным применением процедуры судебного урегулирования, предусмотренной статьей IX Конвенции о геноциде, тем больше чувствуешь себя вынужденным признать, что эти проблемы носят совершенно иной характер, чем те, которые обычно встают перед Международным Судом, обладающим в основном гражданской, а не уголовной юрисдикцией. Трудности носят системный характер и не могут быть оперативно устранены". (ibid., para. 23).

⁶⁸ Judgment of 29 October 1997, para. 25; International Law Reports, vol. 110, pp. 697-698.

⁶⁹ В ходе этого дела не обсуждался вопрос о том, что Трибунал сам обладал полномочием обеспечивать выполнение приказов государством: решение этого вопроса входило бы в компетенцию самого Совета Безопасности.

⁷⁰ Решение Генерального секретаря, см. United Nations Reports of International Arbitral Awards, vol. 19, p. 199. Решение Арбитражного трибунала, см. там же, vol. 20, p. 217.

64. Положение в практике государств в 1976 году было более сложным. Слово "преступления" употреблялось время от времени в отношении поведения государств в таких областях, как агрессия, геноцид, апартеид и сохранение колониального господства, и по крайней мере некоторые случаи противоправного применения силы, систематической дискриминации по признаку расы или сохранения колониального господства силой не подвергались согласованному осуждению⁷¹. В результате обзора мер, принятых в рамках Организации Объединенных Наций, Комиссия пришла к выводу о том, что:

"по общему мнению, некоторые из этих деяний действительно представляют собой "международные преступления", т.е. международно-противоправные деяния, более серьезные, чем другие, и в этом качестве влекущие за собой более серьезные юридические последствия. Не следует, однако, забывать, что не все эти преступления равносильны, т.е. имеют одну и ту же степень серьезности и обязательно влекут более серьезные последствия, такие, как тягчайшее международное преступление – агрессивная война"⁷².

65. Практика государств в период 1976–1995 годов была рассмотрена профессором Оранхио-Руисом в его седьмом докладе; нет нужды возвращаться к его обзору⁷³. Вместе с тем можно было бы напомнить о целом ряде особенностей практики этого периода. Они включают в себя:

- "возрождение" деятельности Совета Безопасности, осуществляемой на основании главы VII Устава, с принятием энергичных мер, например, против Ирака в отношении нападения на Кувейт и против Ливии в отношении ее предположительного участия в террористическом взрыве⁷⁴;
- прогрессивное развитие систем ответственности индивидов за некоторые преступления по международному праву, путем создания специальных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и, возможно, международного уголовного суда⁷⁵;

⁷¹ См. обзор практики в комментарии к статье 19, пункты (12)–(32), в сноске 57 выше.

⁷² Комментарий к статье 19, пункт (33), там же. Проведенный Комиссией обзор литературы по этому вопросу см. там же, пункты (35)–(49).

⁷³ A/CN.4/469, стр. 36–40.

⁷⁴ Что касается последнего, см. Case concerning Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Request for the Indication of Provisional Measures) ICJ Reports 1992, p. 114; ibid., Preliminary Objections, Judgment of 27 February 1998.

⁷⁵ Проект устава международного уголовного суда ограничил юрисдикцию суда преступлениями индивидов. См. Ежегодник ... 1994 год, том II (часть II), стр. 18–73 текста на английском языке. В ходе последующих обсуждений никаких изменений в проект устава в этом аспекте предложено не было.

- дальнейшее развитие международного уголовного права по существу целого ряда тем, включая, в самое недавнее время, защиту сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира и меры против взрывов в террористических целях⁷⁶;
- продолжение развития правовых ограничений на применение химического, биологического и бактериологического оружия и на дальнейшее распространение ядерного оружия.

С другой стороны, этот период характеризовался определенной степенью непоследовательности. К примеру, никаких международных мер не было принято в ответ на геноцид в Камбодже⁷⁷. Или агрессию, которая положила начало ирако-иранской войне 1980-1988 годов⁷⁸. Пожалуй, еще более актуальное значение имеет тот факт, что меры, принятые Советом Безопасности с 1990 года, не вели к присвоению ответственности государствам за противоправные деяния даже в условиях грубого нарушения основных норм. К примеру, оба специальных трибунала, учрежденные Советом Безопасности, обладают юрисдикцией лишь над индивидами в отношении определенных преступлений в нарушение международного права, а не над государствами, которые вовлечены в эти преступления *prima facie*⁷⁹. Ирак неизменно рассматривается как "государство-правонарушитель" в период со времени его вторжения в Кувейт, однако в резолюциях Совета Безопасности по Ираку не употребляется терминология статьи 19. Резолюции, принимаемые с 1990 года на основании главы VII, постоянно используют формулировку "угроза миру или его нарушение", а не "акт агрессии". Понятие "угроза миру или его нарушение" постепенно распространилось и охватывает ситуации, представляющие главным образом гуманитарный интерес (в отличие от межгосударственного). Однако эти резолюции не опираются на понятие "международное преступление" по смыслу статьи 19, несмотря на многочисленные ссылки на преследование за преступления по международному и национальному праву.

D. Отношения между международной уголовной ответственностью государств и некоторыми близкими по значению понятиями

⁷⁶ Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, резолюция 49/59 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года; Международная конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом, резолюция 52/164 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1997 года.

⁷⁷ См. резолюцию 3238 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1974 года; резолюцию 44/22 Генеральной Ассамблеи от 16 ноября 1989 года, призывающую, в частности, к "невозвращению к повсеместно осужденным политике и практике недавнего прошлого".

⁷⁸ См. Очередной доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюции 598 (1987) Совета Безопасности (S/23273) от 9 декабря 1991 года, пункт 7, в котором речь идет о "иракской агрессии против Ирана, после которой последовала длительная оккупация Ираком иранской территории в ходе конфликта в нарушение запрета на применение силы, который рассматривается как одна из норм *jus cogens*".

⁷⁹ Аналогичным образом завершённый Комиссией в 1996 году проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества предусматривает исключительно ответственность индивидов: см. статью 2 и комментарий в Официальных отчетах Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10), стр. 32-40. "Никоим образом не влияет на ответственность государств по международному праву": статья 4 там же, стр. 42.

66. В то же время были консолидированы установленные в период 1945–1970 годов некоторые базовые концепции международного права.

1. Индивидуальная уголовная ответственность по международному праву

67. Нюрнбергские принципы, касающиеся ответственности индивидов, каковым ни было бы их официальное положение, за преступления в нарушение международного права, были подкреплены развитием дополнительных конвенционных стандартов и, пожалуй, что еще более важно, созданием новых институтов. На основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций были учреждены два специальных трибунала. Их учреждение и функционирование дали дополнительный импульс движению за создание постоянного международного уголовного суда. Эта позиция вкратце была изложена Генеральным секретарем в 1996 году в следующих словах:

"важными шагами в обеспечении подлинного господства права в международных делах являются действия Совета Безопасности по созданию международных трибуналов для рассмотрения военных преступлений, совершенных в бывшей Югославии и Руанде. Следующим шагом должно быть дальнейшее расширение международной юрисдикции. В 1994 году Генеральная Ассамблея создала специальный комитет для рассмотрения вопроса об учреждении постоянного международного уголовного суда на основе доклада и проекта устава, подготовленных Комиссией международного права. После этого Ассамблея учредила подготовительный комитет для разработки проекта конвенции о создании такого суда, который мог бы быть рассмотрен на международной конференции полномочных представителей. Этот темп не должен быть потерян. Создание международного уголовного суда явится важным шагом вперед, обеспечив, наконец, подлинную международную юрисдикционную защиту одному из крупнейших мировых достижений в правовой области. Выгоды от этого будут разнообразными: обеспечение осуществления основополагающих прав человека и – благодаря перспективе обеспечения индивидуальной уголовной ответственности за серьезные международные преступления – сдерживание совершения этих преступлений"⁸⁰.

Кроме того, в течение последнего десятилетия в целом ряде государств проводились судебные разбирательства и расследования по делам, касавшимся преступлений по международному праву⁸¹.

2. Императивные нормы международного права (jus cogens)

⁸⁰ "Поддержка системой Организации Объединенных Наций усилий правительств по развитию и упрочению новых или возрожденных демократий: дополнение к докладам о демократизации", A/51/761, приложение, пункт 114.

⁸¹ См., например, Polyukovich v Commonwealth of Australia, International Law Reports, vol. 91 (1991), p. 1 (Australia, High Court); R. Finta, International Law Reports, vol. 82 (1989), p. 424 (Canada, High Court), on appeal 98 International Law Reports, vol. 98, p. 520 (Ontario CA), on further appeal, International Law Reports, vol. 104, p. 284 (Supreme Court); Barbie, International Law Reports, vol. 78 (1984), p. 125, International Law Reports, vol. 78 (1985), p. 136; Touvier, International Law Reports, vol. 100 (1988), p. 330 (France, Cour de Cassation); Touvier, ibid., p. 337 (France, Court of Appeal of Paris, Cour de Cassation). См. также Border Guards Prosecution Case, ibid., p. 364 (Germany: Federal Supreme Court).

68. Вступившая в силу в 1980 году Венская конвенция о праве договоров получила широкое признание как важный документ, касающийся права договоров, включая основания для действительности и прекращения договоров⁸². Хотя одно или два государства продолжали сопротивляться понятию *jus cogens*, изложенному в статьях 53 и 64 Конвенции⁸³, прогнозы о том, что это понятие будет служить дестабилизирующим фактором, не подтвердились⁸⁴. Не было случая обращения к статье 66а Конвенции, и Международному Суду не приходилось прямо сталкиваться с понятием *jus cogens*. Тем не менее он принял к сведению эту концепцию⁸⁵. Действительно, в своем консультативном заключении о законности угрозы ядерным оружием или его применения Суд заявил, что "потому что множество норм гуманитарного права, применимого в период вооруженного конфликта, имеет столь важное значение с точки зрения уважения человеческой личности и "элементарных соображений гуманности" ... они представляют собой незыблемые принципы международного обычного права"⁸⁶.

3. Обязательства erga omnes

69. Наибольшее значение для целей данного доклада имеет понятие обязательств *erga omnes*, введенное и одобренное Судом при рассмотрении дела "Барселона трэкшн" (второй этап), на котором делает большой упор Комиссия в своем комментарии к статье 19. Суд ссылается там на "основное различие между обязательствами государства перед международным сообществом в целом и обязательствами, возникающими в отношении другого государства в области дипломатической защиты"⁸⁷. В качестве примера обязательств *erga omnes* Суд сослался на "объявление вне закона актов агрессии и геноцида", а также "основные права человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации". Справедливо, что в менее часто упоминаемой выдержке он заявил, что "на универсальном уровне документы, в которых воплощаются права человека, не наделяют государства способностью защищать от нарушений подобных прав людей, независимо от их гражданства"⁸⁸. Это может подразумевать, что по своему охвату обязательства *erga omnes* не

⁸² См. решение от 25 сентября 1997 года по делу, касающемуся проекта Габчиково-Надьямарош, ICJ Reports, 1997, paras. 89-114.

⁸³ A/CN.4/488, замечания Франции по пункту 2 статьи 19.

⁸⁴ Международный Суд придает большое значение стабильности договорных отношений: см., например, Case concerning the Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya v. Chad), ICJ Reports 1994, p. 6; Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project, ibid., 1997, para. 114.

⁸⁵ См., например, Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, ICJ Reports 1986, pp. 100-101.

⁸⁶ ICJ Reports 1996, p. 257. Несмотря на ссылку на "незыблемые принципы", Суд считал, что ему нет необходимости высказываться по поводу вопроса *jus cogens*. Рассматривавшийся им вопрос касался не "правового характера нормы" ... характера гуманитарного права, которое действовало бы в случае применения ядерного оружия", а "применимости принципов и норм гуманитарного права в случаях использования ядерного оружия и последствий их применимости для законности использования такого оружия", ibid., p. 258.

⁸⁷ ICJ Reports 1970, p. 32.

⁸⁸ Ibid., p. 47.

охватывают всей сферы прав человека целиком, или это может просто служить замечанием относительно нынешних формулировок общих договоров в области прав человека.

70. В последующем в целом ряде случаев Суд пользовался возможностью, чтобы подтвердить понятие обязательств *erga omnes*, хотя и проявлял при его применении осторожность. Так, по делу о Восточном Тиморе Суд заявил:

"Утверждение Португалии о том, что право народов на самоопределение ... имеет характер *erga omnes* ... безукоризненно. Принцип самоопределения ... является одним из основных принципов современного международного права. Тем не менее Суд считает, что характер *erga omnes* нормы и правило согласия на юрисдикцию – две разные вещи. Каковым бы ни был характер обязательств, на которые ссылаются, Суд не может выносить решения относительно законности поведения того или иного государства, когда его решение будет подразумевать оценку законности поведения другого государства, не являющегося стороной в деле. В такой ситуации Суд не может действовать, даже если право, о котором идет речь, является правом *erga omnes*"⁸⁹.

По делу, касавшемуся Конвенции о геноциде (предварительные возражения), Суд, сославшись на выдержку из его решения по делу об оговорках к Конвенции о геноциде, заявил, что "права и обязательства, закрепленные в Конвенции, являются правами и обязательствами *erga omnes*"⁹⁰. Это заключение способствовало тому, что он пришел к выводу о том, что его юрисдикция в отношении этого иска по сроку не ограничивается временем, после которого стороны становятся связанными между собой Конвенцией⁹¹.

71. Для целей данного документа не представляется необходимым анализировать эти решения или обсуждать такие вопросы, как связь между "обязательствами" и "правами", имеющими характер *erga omnes*⁹². Можно сказать, что вышеуказанное подтверждает мнение о том, что в сфере общего международного права существует некоторая иерархия норм и что по крайней мере некоторые основные материальные нормы признаются важными постольку, поскольку речь идет о различии не просто в степени, а в характере. Такое различие, как ожидалось бы, имеет свои последствия в области ответственности государств. С другой стороны, из этого вывода не следует, что различие в характере некоторых норм породило бы два различных режима ответственности, и уж совсем не следует, что их надо отражать с точки зрения различия между "международными преступлениями" и "международными правонарушениями".

⁸⁹ ICJ Reports 1995, p. 102.

⁹⁰ ICJ Reports 1996, p. 616.

⁹¹ *Ibid.*, p. 617.

⁹² Международное право всегда признавало идею "прав *erga omnes*", хотя эта фраза используется редко. К примеру, прибрежные государства всегда обладали правом *erga omnes* на определенную полосу территориального моря; все государства имеют право *erga omnes* на хождение судов под их флагом в открытом море. И все же эти права порождают чисто двусторонние отношения ответственности в том случае, когда они нарушаются другим государством. Понятие обязательств *erga omnes* имеет свои собственные и более широкие последствия.

72. Здесь уместно отметить, что Комиссия в 1976 году приняла это различие и эту терминологию в предварительном, даже поисковом порядке.

73. Что касается различия между категориями более или менее серьезных противоправных деяний, то, во-первых, Комиссия жестко "сопротивлялась искушению указать... что, по ее мнению, должно быть режимом ответственности, применимым к большинству международно-противоправных деяний"⁹³. Эти вопросы были оставлены абсолютно открытыми. Во-вторых, она, как представляется, отрицала, что все "международные преступления" или все "международные правонарушения" сами подпадали бы под единообразный режим. Короче, непросто не существует единый режим для всех противоправных деяний; представляется сомнительным существование двух таких режимов: "международно-противоправные деяния принимают множество форм, а последствия, которые они порождают с точки зрения международной ответственности, безусловно, нельзя свести к одному или двум единообразным положениям"⁹⁴. Нет никаких сомнений, что всегда есть возможность, что та или иная конкретная норма будет предусматривать свои собственные особые последствия в случае нарушения или будет подпадать под свой собственный особый режим: это справедливо, в частности, в отношении парадигмы международного преступления, преступления агрессии⁹⁵. С другой стороны, если категория международных преступлений будет раздроблена подобным образом (учитывая наличие относительно небольшого числа подобных преступлений), то можно было бы задать следующие вопросы: а) что останется от самой категории; б) как будет решаться заранее вопрос о существовании этой категории без ссылки на последствия, связанные с конкретными преступлениями; и с) как это расследование можно было бы завершить без фактически кодифицирования соответствующих первичных норм. В-третьих, Комиссия отрицала, что разработка режима ответственности за преступления должна вестись таким образом, чтобы установить "единый базовый режим международной ответственности... применимый ко всем международно-противоправным деяниям, ... и ... добавить дополнительные последствия к нему за противоправные деяния, представляющие собой международные преступления..."⁹⁶. Этот подход к международным преступлениям, основанный на "наименее общем знаменателе", который мог бы быть назван подходом "правонарушения плюс", был без колебания отвергнут⁹⁷. Но именно в основном этот подход позднее был принят Комиссией при определении последствий международных преступлений.

⁹³ Комментарий к статье 19, пункт (53), в сноске 57 выше.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ На основании пункта 1 статьи 12, пункта 1 статьи 24 и статьи 39 Устава Совет Безопасности обладает некоторым приоритетом в отношении определения, в частности, акта агрессии и его последствий. См. комментарии Комиссии к статьям 20b и 23c проекта устава международного уголовного суда, Ежегодник... 1994 год, том II (часть II), стр. 38-39 и 44-45 текста на английском языке; и статью 16 проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10), стр. 89-91.

⁹⁶ Комментарии к статье 19, пункт (54), сноска 57 выше.

⁹⁷ Там же.

74. Что касается терминов "преступления" и "правонарушения", то на Комиссию в значительной мере повлияло использование термина "преступление" применительно к преступлению агрессии⁹⁸. Не ясно, какие альтернативы были рассмотрены. В комментарии лишь говорится, что:

"принимая название "международные преступления", Комиссия намерена ссылаться только на преступления государства, на деяния, присваиваемые государству как таковому. Она еще раз хочет предостеречь против любой путаницы между выражением "международные преступления", которое используется в этой статье, и похожими выражениями ("преступления по международному праву", "военные преступления", "преступления против мира", "преступления против человечества" и т.д.), используемыми в ряде международных конвенций и документов для обозначения некоторых чудовищных индивидуальных преступлений . . ." ⁹⁹.

Это не дает, но порождает вопрос относительно того, почему был принят такой термин, который по своему использованию пришлось сразу же обособлять от обычных видов использования этого термина в международном праве. Следует отметить, что с 1976 года термин "международное преступление" стал употребляться еще шире в качестве ссылки на совершенные индивидами преступления, вызывающие международную озабоченность, включая преступления по международному праву, но не ограничиваясь ими¹⁰⁰. Таким образом, риск терминологической путаницы повысился.

75. Теперь, когда имеется полный свод проектов статей, Комиссии предстоит определить, решены ли или могут ли быть решены удовлетворительным образом те вопросы, которые были оставлены открытыми в 1976 году.

⁹⁸ К примеру, Определение агрессии, пункт 2 статьи 5 резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года.

⁹⁹ Комментарий к статье 19, пункт (59), сноска 57 выше.

¹⁰⁰ Анализ базы данных о документах Организации Объединенных Наций (1994-1998 годы) показывает наличие 174 ссылок на термин "международное преступление", обычно в контексте терроризма, международной преступности и незаконных поставок оружия, а также незаконного производства, потребления и оборота наркотиков, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами: см. пункт 8 резолюции 52/43 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1997 года, озаглавленной "Укрепление безопасности и сотрудничества в районе Средиземноморья".